

Мартен начинает «Введение» к своей книге словами Ж. Перре, одного из исследователей Вергилия: тот, кто занимается сейчас античной литературой (любой ее отраслью), должен «открыть душу веяниям нового времени» (стр. 1). Наше время требует внимания к вопросам экономическим и социальным, и Мартен ставит своей задачей «тесно связать агрономическую литературу с историческими обстоятельствами, среди которых она возникла, и поместить ее в рамки экономической и социальной эволюции древней Италии» (стр. 22). Он сумел вдвинуть каждого «агронома» в эти рамки и каждого связать с его классом. Широкий исторический горизонт, способность совершенно по-новому осветить вопросы, казалось бы давно и безапелляционно решенные, дыхание живой жизни, которым овеяны ее страницы — все это делает книгу не только содержательной и интересной, но и сообщает ей качества, которых в книгах по вопросам специальным вообще не бывает: своеобразную теплоту и привлекательность — ее не читаешь, с ней разговариваешь. Без этой книги не обойтись ни исследователю латинских «агрономов», ни читателю, интересующемуся хозяйственной и социальной историей Рима. Достоинства ее неоспоримы, и ее промахи и недостатки достоинств этих не умаляют. Промахи ее: во-первых, чрезмерная стремительность некоторых заключений, скорее декларируемых, чем доказываемых, и во-вторых, малый учет сельскохозяйственных реалий. Мартена интересуют вопросы более широкие (и он иногда их блистательно решает), чем вопрос об обработке италийского поля, но если бы он более конкретно представлял себе это поле, это избавило бы его от досадных ошибок. И ошибки эти в книге, незаурядно яркой и талантливой, ощущаются особенно остро.

Перечислив задачи, стоящие перед исследователем экономической и социальной эволюции древней Италии, Мартен переходит к первой части своего труда «Состояние латинской агрономии». Он отмечает во введении к этой части, что недостаточно отвести каждому латинскому «агроному» подобающее место в латинской агрономической литературе: надо эту самую литературу «вдвинуть в историю агрономии и сельскохозяйственной техники древнего мира» (стр. 3, 5). Что взяли римляне у Карфагена, Греции и Галлии? Карфагену посвящена первая глава, в которой автор занят преимущественно вопросом: что дала латинской агрономии сельскохозяйственная энциклопедия Магона, переведенная распоряжением сената по-латыни? (Из этого сочинения дошло до нас 25 коротких отрывков.)

Прежде всего, по мнению автора, Магон, а вовсе не Варрон, (как думают некоторые исследователи) был главным источником (*une source capitale* — стр. 48) для Вергилия, что совершенно ясно из описания телки (Georg. III, 52—55). Стих 53:

et crurum tenuis a mento palaria pendent
Подгрудок свисает от подбородка до голеней

в зят не из Варрона, у которого сказано только: a collo palea demissa (R. r., II, 5, 7), но прямо из Магона, которого «в дословном переводе» (traduction littérale) дает Колумелла (VI, 1, 3): *palaribus amplis et pene ad genua promissis*.

Можно ли, однако, на основании единственной строчки делать столь широкий вывод? В «дословном переводе» Магона, который собирается вспомнить *petogabimus* Колумелла, бычки (не телки) отличаются между прочим «высокими, черноватыми и крепкими рогами» (*cornibus proceris ac nigrantibus et robustis*), а у Вергилиевой телки «рога закругленные» *camuris hirtae sub cornibus aures*. Вергилий списал у Магона одну подробность для экстерьера своей телки, а для характеристики рогов отправился на поиски другого источника? Обязательно ли всегда искать книжных заимствований? Неужели Вергилию, фермерскому сыну, жившему в деревне, нужно было рыться в Магоне или искать справочники у Варрона, чтобы описать экстерьер хорошей телки? Не естественнее ли предполагать, что признаки ее перечислены *de visu*?

Вергилий в III книге «Георгик» ничего не говорит о свиньях, потому что о них не говорит и Магон: семиты-карфагеняне не ели свинины (стр. 49). Вергилий не пишет и об ослах, и о мулах, хотя о мулах Магон писал (Col., VI, 37, 3). Трудно говорить о том, чего касался и чего не касался автор сочинения, от которого дошли жалкие обрывки. Из того, что у Кассия, переводчика Магона, в таблице удобрений нет свиного навоза, нельзя заключать, что этот навоз не упомянут и у Магона. Кассий, прибавивший к Магону многое из греческих книг (Varr., R. r., I, 1, 10), мог взять свою таблицу у кого-либо из греческих авторов.

Мартен считает, что Колумелла относился к Магону «с восхищением почти безграничным» (стр. 44) и поместил его во главе всех сельскохозяйственных авторитетов (I, 1, 13): сначала помянута «толпа греков», затем в хронологическом порядке отечественные писатели, сначала прозаики, потом Вергилий, «наконец, достойно вспомнить Юлия Гигина, который был как бы его дядькой, и особенно почтим его, как и карфагенянина Магона, отца сельскохозяйственной науки... не меньшую, однако, похвалу заслужили и наши современники, Корнелий Цельз и Юлий Аттик». О Цельзе Колумелла отзывался так: «не могу достаточно надивиться тому, что Цельз ошибся и в своих выводах и в наблюдениях» (II, 2, 15); «Цельз не понимает, что доход от щедрого урожая покроет все затраты на покупку крупных животных» (II, 2, 24); совет Цельза не мотыжить бобов он признает достойным «самого плохого хозяина» (II, 11, 6). Аттик рекомендовал «вредный способ» посадки виноградных чубуков (III, 18, 2). Оба эти писателя поставлены в один ряд с Магоном и заслуживают *non minorem tamen laudem*. Трудно говорить о «безграничном восхищении». Непонятно замечание Мартена: «Колумелла, по-видимому, проводит довольно четкую разницу между разными пуническими трактатами и Магоном» (стр. 51). Магон был единственным пуническим писателем, переведенным по-латыни (Plin., NH, XVIII, 22). Можно смело утверждать, что ни римляне последнего века Республики, когда писал Скрофа, поминавший *Poeni ex Africa scriptores* (Col., I, 1, 6), ни современники Колумеллы пунического языка не знали и могли читать только перевод Магона, который собрал воедино *res dispersas* (Varr., R. r., I, 1, 10). Черпал он из книг своих предшественников-земляков и поминал их в своей энциклопедии? Возможно. Несомненно, во всяком случае, что Магон и только Магон был доступен римскому читателю.

Следующая глава посвящена Греции. Из тех десятков греческих писателей-агрономов, которых называют Варрон и Колумелла, до нас по существу ничего не дошло, и Мартен предполагает, что эту техническую литературу преимущественно эллинистического времени следует поставить в связь с развитием сельского хозяйства в ту эпоху (стр. 70). Греция, однако, дала Италии гораздо больше, чем могли бы дать эти узкоспециальные трактаты: тот жизненный идеал, который обозначался словами *mos maiorum* и подразумевал любовь к земле, к деревне, выработанный в Греции — и как доказательство Мартен приводит Ксенофонта, рассуждения Аристотеля в «Политике» и Псевдо-

Аристотелевский «Экономик» (Мартен убедительно доказывает его принадлежность Феофрасту).

Не говоря уже о том, что ни у Аристотеля, занятого рассуждением о наилучшем классе народонаселения (VI, 2, 1), ни у Феофраста, повторяющего темы Ксенофонта, и занятого, как и Ксенофонт, вопросами организации сельского хозяйства, нет ни слова о любви к земле и деревне, естественно здесь задать вопрос: можно ли внушить пусть не целому народу, а хотя бы одному классу, хотя бы людям, которые читали по-гречески, — жизненный идеал, причем так, чтобы он оказался усвоен и сердцем и умом? В лучшем случае только литературно сформулировать то, что уже живет в сердце и уме читателей. В данном случае нет из этого. Любовь к земле и деревне в римском понимании *mos maiorum* была величиной, если можно так выразиться, производной: в основе того идеала, который обозначали словами *mos maiorum*, лежало представление о благородстве старинной жизни, строгой, бедной, простой и трудовой. Благодаря противоречиям, рассыпанным в «Земледелии» Катона, можно дать, хотя и бледную, картину этой жизни. Ее имел в виду Плиний Старший в своей «Естественной истории» (особенно в XVIII книге). О ней Энцип сказал, что «Рим держится старинными нравами» (*Cic., de rep. V, 1, 1*); о ней вспоминал Плиний Младший (*Ep. VIII, 14, 4—6*).

От Греции Мартен переходит к Галлии. Перечислив технические достижения галльского хозяйства: жатвенную машину, борону, рало с колесным передком, сито из конского волоса, он обращается к «капитальной проблеме об отношении между рабством и техническим застоєм в области сельскохозяйственного оборудования» (стр. 77). Почему в Италии не использовали галльскую жатку? Борону? «Причину отказа от этих галльских усовершенствованных орудий следует искать в самой] сущности рабовладельческого хозяйства: оно создало презрение к физическому труду, вызвало отказ от всяких технических усовершенствований». В Галлии эти усовершенствованные орудия появились именно потому, что большие имения галльских земледельцев, разделенные на участки, обрабатывались свободными колонатами; в Италии этих орудий нет, потому что здесь землю обрабатывали рабы.

В отказе итальянского хозяина от жатки и бороны рабовладельческое мировоззрение вовсе неповинно. Отказ был продиктован умным и трезвым учетом особенностей своего, итальянского, хозяйственного быта и склада. Обработка хлебного поля в Италии была кропотливым и сложным делом. Обработка югера земли под пшеницу, включая жатву, требовала по расчетам Колумеллы 10 1/2 дней (II, 12, 1)¹. При такой агротехнике зерновое хозяйство могло быть только интенсивным: под зерновые культуры отводили небольшое число югеров. Зато дорожили каждым зерном; после жатвы работники проходили по полю, подбирая упавшие колосья (*Varr., R. r. 1, 53*). Оставшуюся на поле солому (в большей части Италии срезали только колос с частью стебля) скашивали месяц спустя: она шла на подстилку скоту (*Cat., 39, 2*), в корм волам (*Cat., 54, 2*; *Plin., NH, XVIII, 370*—в Италии с кормами было плохо), соломой обертывали молодые деревца на зиму (*Plin., NH, XVII, 16*). Иногда солому сжигали, чтобы удобрить землю. Могли ли хозяева, так бережно относившиеся к зерну и так нуждавшиеся в соломе, пользоваться галльской жаткой? Е. Колендо в прекрасной статье, посвященной этой жатке («*Annales*», XI, 1960, стр. 1099—1144), указал ее недочеты: гребень, срывающий колосья, поставленный на определенном уровне, не мог сорвать колосьев ниже этого уровня; эти колосья и вся солома под колесами короба, под копытами животного, под ногами работника, превращалась в перепутанную, изорванную, втопанную в землю, ни к чему и ни для чего негодную массу. Такая машина для итальянского хозяйства не годилась — и не потому, что хозяйство это было рабовладельческим, а потому, что при его потребностях и его особенностях, обусловленных свойствами климатическими и почвенными, она принесла бы только непоправимый убыток. Не годилась итальянцам и борона, которая разрушила бы на поле все гребни. (Напомним, что хлебное поле разделялось гребнями, на которых и рос хлеб.)

¹ Обработка десятины земли, т. е. площади вчетверо большей, брала в Северной Украине в начале нашего века 4—5 дней.

В этой связи стоит поставить вопрос: так ли примитивны и плохи были сельскохозяйственные орудия древних италиейцев? Русский помещик прошлого века мог выписывать плуги и молотилки от Сименса, в то время как его сосед-крестьянин трудился над сохой и вымолачивал хлеб цепом. Италийский крестьянин и рабовладелец, хозяин того стоюгерного имения, которое было идеалом для дедов и прадедов Катона, обрабатывали землю одними и теми же орудиями: над их созданием трудилась мысль сотен поколений, от их совершенства и пригодности в данных условиях зависела жизнь хозяина и его семьи. Рабу вручалось орудие, придуманное свободным крестьянином, работавшим на своих нескольких югерах, совершенно такое же, как у его соседа, хозяина имения в 20—30 га. Свободная мысль и привычная к работе умелая рука творят чудеса. Таким чудом был объявлен недавно нож виноградаря, позволяющий — им одним — совершать шесть различных операций²; италийское рало, которое особенно носили немецкие ученые, утверждавшие, что пахать по-настоящему, т. е. переворачивая пласт поднятой земли, романский мир научился у них, у германцев, оказалось «идеальным орудием для тех областей, где хлеба растут в земле, смоченной зимними дождями, и созревают в жаркое сухое лето»³. Италийская агротехника была продумана до мелочей.

Следующая, четвертая глава: «Агрономическая литература в Риме до Варрона. Катон и оба Сазерны» посвящена почти исключительно Катону. Мартен вполне прав, характеризуя Катона как «businessman», «главу предприятия», все мысли которого заняты наживой (стр. 86—87) и неправ, говоря, что «в плане технического и агрономического интереса книги весьма незначителен... из 170 глав только 60 касаются агрикультуры, и только читатель, совершенно невежественный в хозяйстве, мог научиться здесь чему-либо стоящему» (стр. 93). Такой превосходный хозяин, как Колумелла, говоря о том, чего требуют разные хлебные растения, по существу только повторил Катона. Агротехнических советов — как пахать, жать, молотить — действительно нет: нечего было учить людей тому, что они прекрасно знали, но на этом фоне особое значение получает настойчивое требование удобрять землю: старые хозяева считали это делом мало важным (Cat., 61, 1). А затем в «Земледелии» имеется полный курс маслиноводства. Мартен и не заметил этих фактов, и не объяснил их.

Вторая часть посвящена Вергилию — три главы: «Проблема „Георгик“»; «От „Буколик“ к „Георгикам“»; «Учение о труде» — самые блестящие страницы в книге Мартена. Я изложу его мысли не в порядке глав, а в порядке последовательности произведений Вергилия: с «Буколик».

Пастухи Вергилия отнюдь не повторяют собой пастухов Феокрита, но это и не мелкие земледельцы из долины По (ряд верных замечаний по этому поводу): Вергилий переодет пастухами крупных собственников-скотоводов, богатых *domini*, людей того круга, в котором вращался сам и для которого писал. «Идеал *vita otiosa*, явно просвечивающий в „Буколиках“, украшенный и преобразованный магией поэта, есть идеал этого самого класса» (стр. 177). Многие из этих людей принадлежали вместе с Вергилием к кружку эпикурейцев, собиравшихся вокруг Филодема. Вергилий этого периода не обеспокоен экономическими проблемами, он уверен в правильности политики Августа и верит в наступление золотого века (стр. 180). С 40 г. все меняется: происходит конфискация земель в пользу ветеранов — мера, не имевшая никакого экономического смысла, разрушительная для сельского хозяйства и наносившая глубокую и несправедливую обиду классу, к которому Вергилий принадлежал по рождению: он чувствует нравственную обязанность защищать этот класс: в это время и написаны были I и IX эклоги, которые особо выделяли и до Мартена исследователи Вергилия. Первая эклога вовсе не гимн Октавиану: он ведь вложен в уста Титира, самой вульгарной фигуры из всех персонажей «Буколик»: эгоист, эпикуреец, для которого бедствия окружающих только фон, ярче оттеняющий собственное его благополучие. Вергилий осудил в его лице эпикурейскую философию, учеником которой был раньше; оставаясь, несомненно, приверженцем Августа, Вергилий уже не слепой и безусловный поклонник его поли-

² E. Denis, *Falx vinitoria*, RA, 41, 1943, стр. 163—176.

³ K. D. White, *Agricultural Implements of the Roman World*. Cambr., 1967, стр. 127.

тики. И еще одна подробность: под личиной пастуха Титира скрыты крупные скотоводы, оптимистически уверенные в будущем и в людях, стоящих у кормила правления; контрастная фигура к нему Мелибей: так же как и Меналк IX Буколики, он представитель класса земледельцев, который полон разочарования, недовольства и пессимизма. Эти эклоги уже перекидывают мост к «Георгикам» (стр. 177).

«Георгики» были политическим актом: они говорили о достоинстве земледелия и достоинстве земледельческого класса. Спрашивать, кого имел в виду поэт в своей поэме, крупных землевладельцев или мелких крестьян, значит не понимать его основной мысли: все земледельцы, независимо от их имущественного состояния, единый класс, единая армия, сражающаяся с природой на благо человечества, в противоположность армии военной, несущей с собой гибель и разорение, попирающей законы божеские и человеческие (*fas versum atque nefas* — Georg. I, 505): Вергилий настроен не просто пацифистски, «хочется сказать, что он антимиитарист» (стр. 127). Книга вторая, начиная с 458-го стиха, «представляет собой хвалу и защиту сельской жизни» (стр. 136). Это изложение целого мировоззрения: вот идеи, развиваемые Вергилием: (1) жизнь в Риме суетна и пуста (461—466); (2) гораздо выше и предпочтительнее жизнь сельская (467—474); (3) есть, правда, третий вид жизни — жизнь ученого, и Вергилий, вспоминая что он был учеником Эпикура и Лукреция, ставит ее как будто выше жизни земледельца (475—482). Поэт колеблется между этими двумя идеалами, но в конце концов «приходит к выводу, что суеверный и невежественный *rusticus* наделяется мудростью, и мудрость эта может соперничать с мудростью Эпикура и Лукреция» (стр. 139).

Замыслом Вергилия, согласно Мартену, было написать «Георгики» в двух книгах, и замысел этот не был подсказан ни Меценатом, ни Октавианом. Поэта тревожила судьба земледельцев, и эту тревогу он, мастер завуалированных намеков, облек в лестную для Октавиана форму обращения к нему уже обожествленному, уже занявшему место в Совете богов (Georg. I. 24—42). Традиционному объяснению этого места (Вергилий вполне уверен, что Октавиан будет спасителем италийского земледелия и земледельцев, разоренных войной) Мартен противопоставляет свое, абсолютно убедительное: Вергилий пишет, когда еще неясно, какова будет политика Октавиана (*incertum est*). Захочет ли он «навещать города, заботиться о земле, и мир признает его властителем урожая»: станет ли он морским божеством, «которому только и будут молиться моряки» или он займет место там, где в Зодиаке находятся Весы? Переведенная на прозаический язык политической терминологии эта символика означает, что перед Октавианом выбор: его политика может стать чисто италийской, будет занята экономическим развитием Италии, ее городов и сел; может стать завоевательной и покровительствующей заморской торговле и может, мудрая и умеренная, примирить в гармоническом синтезе оба пути. Вергилий откровенно указывает Октавиану выбор: «Пожалей селян, не знающих, какой путь ты выберешь» (I, 40—41): блистательное объяснение *ignaros viae*. «Георгики» имели целью оказать некоторое давление на официальную политику: «Пусть Рим меньше смотрит за море и больше на Италию» (стр. 150). Земледельческий класс может стать противовесом тем «капиталистическим» кругам, которые были так влиятельны в политической жизни Рима (стр. 149 и 151). Вот это заступничество за определенный класс, это прямое вмешательство в дела политические и не поправилось Меценату, представителю социальной группы, очень отличной от той, от имени которой говорил Вергилий: он принудил Вергилия добавить к двум книгам «Георгик» третью, посвященную крупному скотоводству, которым занимались владельцы латифундий. Для Вергилия «заказ» этот был тягостен (*haud mollia iussa*). И Мартен приводит ряд доказательств тому, что только III книга «Георгик» была подсказана Меценатом, и «Георгики» в двух книгах (I и II) по замыслу и композиции представляют собой законченное целое: (1) если бы Меценат был вдохновителем и первых книг, то, конечно, к нему следовало бы обратиться в начале поэмы, а не в середине ее; (2) последние слова II книги:

*sed nos immensum spatiis confecimus aequor
et iam tempus equum fumantia solvere colla*

«мы преодолели огромное пространство; пора распрячь лошадей, от которых валит пар» понятны только как заключительные строки большой работы; (3) похвалу сельской жизни

ни естественно поместить в конце поэмы, прославляющей эту жизнь, а не в середине ее; (4) Вергилий в этих книгах пацифист; в III книге он славит завоевательную войну; (5) Вергилий не думал и не хотел писать о крупном скотоводстве уже потому, что интересы земледельцев и крупных скотоводов несовместимы: скотоводам безразлично, живет Италия собственным хлебом или привозным: их не беспокоит раздача земель ветеранам; война для них даже выгодна: легче сбывать скот; упадок земледелия их вовсе не беспокоит.

Остановимся на этих доказательствах:

(1) Меценат назван уже во втором стихе I книги: Вергилий ему излагает программу своей поэмы; II, 39: *tuque ades, inseruntque una decurre labores*: «и ты помоги мне, закончи со мной начатый труд» отнюдь не обязательно объяснять «по Мартену»: труд был начат без Мецената. «Предложил» ли, говоря словами Сервия, тему «Георгик» Меценат или нет, сказать трудно, но что он знал о работе Вергилия и ею интересовался с самого начала, это несомненно — иначе и обращение к нему в начале поэмы и II, 39—42 не имели бы смысла. (2 и 3) Мартен совершенно прав, говоря, что и похвалу сельской жизни можно было поместить только в конце II книги, и что два последние ее стиха — стихи заключительные. Поэт действительно завершил цельную, законченную в себе, часть поэмы. Покончено с рассказом о сельской жизни с ее ровным и мерным ритмом работы и отдыха, с ее безопасностью, спокойствием и уютом. Не деревня и усадьба с их территориальной ограниченностью, а немеряные просторы: *saltus et silvestria loca*; не однообразная, бестревожная деревенская жизнь, а существование, полное неожиданностей, опасностей, приключений: вместо мирных спокойных пахарей — пастухи, народ отважный, привыкший к своей трудной, но почти свободной жизни, склонный к мятежу и возмущению. С третьей книгой «Георгик» Вергилий вступал в мир, чуждый тому, которым был доселе занят и естественно было ему и прославить этот мир в конце II книги и проститься с ним заключительными стихами этой II книги. (4) Был ли Вергилий убежденным пацифистом? Во второй книге «Энеиды» он сумел изобразить войну со всем ее ужасом и злом, но в той же «Энеиде», думая об исторической задаче Рима: *pacisq[ue] imponere morem*, он указывает путь ее разрешения: *pacere subiectius et debellare superbus* (VI, 851—853), т. е. путь завоевательных войн. Ср. еще VI, 794. (5) Если Вергилий хотел ограничить «Георгик» первыми двумя книгами, то как объяснить, что в самом начале I книги, давая «Оглавление» поэмы, он, назвав *segetes, vites*, продолжает: *quae suta boum, qui cultus habendo sit pecori, aribus quanta experientia*. т. е. очерчивает содержание всех четырех книг. И речь идет не о приусадебном скотоводстве, а о крупном, кочевом: об этом свидетельствует обращение к Фавнам, Дриадам и Пану, т. е. к божествам *tex saltus et silvestria loca*, где пасутся эти огромные стада.

Прав ли Мартен, непримиримо разграничивая интересы земледельцев и скотоводов? На строгом разграничении скотоводства и земледелия настаивал Варрон (R. г., I, 2, 13). Это разграничение сделано по причинам чисто формальным. Разделять скотоводство и земледелие в реальной хозяйственной обстановке нельзя было уже потому, что хозяин имения часто был и владельцем больших стад. Таков именно и сам Варрон (R. г., I, 1, 11 и 2, прогосп. 6), таким был и Атик. И крупному скотоводу было вовсе не безразлично, живет ли Италия своим хлебом или нет, сидит ли на земле хозяин, понимающий толк в своем деле, или гуляка-ветеран, забывший, как держать рукоятку плуга. Крупное скотоводство не могло обойтись без земледелия; об этом убедительно свидетельствует вторая книга Варрона. Пункт этот настолько важен, что на нем следует остановиться подробно. Баранов два месяца в году прикармливают ячменем (2, 13); ягнятам до четырех месяцев дают молотую вику (2, 16); свиньям обязательно дают «обсы, ячмень и прочий хлеб» (4, 6); быки получают мякину (5, 12); телятам с шестимесячного возраста дают пшеничные отруби и ячную муку (5, 17); кобылам после выжеребки добавляют к сену ячмень (7, 7); жеребят по возвращении в стойла с пяти месяцев кормят ячной мукой с отрубями. Годовалому жеребенку дают ячмень и отруби, пока он не перестанет сосать мать, т. е. до двухлетнего возраста (7, 11—12). Поголовье стад и овец и крупного рогатого скота исчислялось в сотнях, стад у одного хозяина бывало несколько. Сотенными были и лошадиные табуны. Чтобы обеспечить это количество тем.

что давала хлебная нива, скотовод должен был, если местные условия позволяли, рядом с пастбищами завести полевое хозяйство. Так, вероятно, и было в Апулии. Если это оказывалось невозможно, то необходимо было иметь по соседству такие хозяйства, где можно было достать и муку, и отруби, и мякину: крупное скотоводство не могло обойтись без земледелия.

III книга «Георгик» продолжала ту же защиту земледелия и то же прикровенное требование «италийской» политики, которое с такой тонкой пронизательностью открыл в этой поэме Мартен.

Последняя глава, посвященная Вергилию: «Философия труда». У Вергилия апология труда: Юпитер покончил с золотым веком, и это не наказание: он не захотел, чтобы его царство погрузилось в безмятежное, бездеятельное счастье — в то состояние, в котором, по мнению эпикурейской школы, пребывают боги. Достоинство человека — в труде, в усилии, в борьбе — только они дают радость победы; только жизнь, исполненная труда и усилий, достойна человека. Глава эта принадлежит к числу лучших у Мартена; трудно пересказывать эти страницы, согласно продиктованные умом и сердцем: их хочется читать и перечитывать.

Переходим к Варрону.

Мартен считает, что его трактат о сельском хозяйстве представляет собой неуклюжее соединение трех книг, в разное время написанных, разных по своим установкам и своему духу, и своей композиции. Книга лишена единства: мог ли автор, только что провозгласивший, что земледелие должно иметь дело лишь с теми животными, с чьей помощью обрабатывается земля (I, 2, 20), и скотоводство ведению земледельца не подлежит (I, 2, 13), тут же, в качестве второй части своего сочинения приступить к книге о скотоводстве?

Мартен не учитывает того, что все эти заявления имеют характер формально методологический — и только. Варрон писал первое научное сочинение о сельском хозяйстве, писал для людей своего круга, которые «в просвещении стояли с веком наравне», читали Аристотеля и Дикеарха и приучены были к строгой логике греческих произведений. Книги Катона и Сазерны, при всем богатстве их фактического содержания, казались им беспорядочной грудой случайных заметок — тут и домоводство, и медицина, и ветеринария — нет ни плана, ни системы. Такими казались они и Варрону, и он подверг их едкому осмеянию. «Земледелие» — это наука, *ars* (I, 3), и научная книга о земледелии должна заниматься только теми вопросами, круг которых очерчен самым именем этой науки; «из этой книги я вырежу все, что, по-моему, не относится к земледелию», пишет он (I, 1, 11). «Вырезыванье» относилось именно к книге, и ни в коем случае не было распространено на реальное хозяйство. Варрон, сам землевладелец и крупный скотовод, знавший насколько скотоводство, даже пастбищное, нуждается в том, что дает хлебная нива (см. II книгу его «Сельского хозяйства») никогда не разъединял в реальной хозяйственной жизни скотоводства и земледелия. Недаром же он вложил в уста своего тестя прелестное сравнение обеих этих отраслей с двумя дудочками, составлявшими единый музыкальный инструмент — тибью (I, 2, 15).

Продолжая идти в колее своей излюбленной мысли о несовместимости земледелия и скотоводства, Мартен настаивает на том, что II книга «Сельского хозяйства» была первоначально опубликована отдельно. До своего включения в полный свод «Сельского хозяйства» она и начиналась иначе, не с того предисловия, которое мы читаем сейчас: невозможно ведь совместить резкую критику крупного скотоводства в этом предисловии с высокой оценкой скотоводства в следующей затем I главе. Соединяя в одно произведение обе книги, Варрон прекрасно знал, что *agricolae*, враги крупного скотоводства, возмущенные объединением двух, враждебных одна другой, хозяйственных отраслей, обрушатся на него. Желая обезоружить своих критиков, он и занял своеобразную позицию: принципиально возражает против развития скотоводства в ущерб земледелию, но высказывается за объединение их в реальной хозяйственной обстановке (стр. 232 — 233).

Оставим в стороне эту, мягко говоря, странную принципиальность. Дело в том, что предисловие ко II книге содержит не критику крупного скотоводства, как такового

а критику людей, которые *ex segetibus fecerunt prata* (II, прооет., 4). Этого ни в коем случае нельзя делать не только потому, что это *contra leges*, но и потому, что между обеими отраслями «большое содружество» *societas* — Варрон и задумал свою работу как изложение всех хозяйственных отраслей: за книгой о земледелии следовала книга о скотоводстве.

«Непримиримое различие» в композиции I и II книг заставляет Мартена считать их отдельными произведениями, а не составными частями одной и той же книги. Различие в том, что в I книге диалог ведут два человека, а во II — семь, что главы в I книге разной величины, а во II — они почти одинаковы. Различие требовалось экономией самих книг: во II выстывает семь крупных скотоводов, знатоков своего дела: почему между ними и не поделить рассказ о разных животных? В I книге знатоков земледелия только двое, кому и говорить, как не им? Мартен сам указал, что Варрон придал своему трактату диалогическую форму, чтобы оживить свое изложение и придать ему некоторое разнообразие. Способы для этого у него были разные: и оживленная беседа, приправленная шуткой (особенно в III книге), и веселый обмен репликами, и распределение материала между разным числом лиц. Наличие двух участников диалога в I книге делало обязательным такое же число их и во II? Выведа в ней, непосредственно следующей за первой, семерых, Варрон вносил то разнообразие, которое было желательно.

Мартен считает, что при объединении этих разных книг в одно целое Варрону пришлось переделать первую главу I книги. Первоначальное построение главы (обращение к жене — §§ 1—3; обещание написать для нее «одну» книгу, а не «три», как вставлено позднее — § 4; обращение к богам, покровителям земледелия — §§ 4—6 — и, наконец, намерение пересказать недавние беседы о земледелии), искажено вставкой, втиснутой при позднейшей редакции (§§ 8—11: библиография, вторичное указание — теперь на три книги, из которых состоит вся работа, и перечень источников Варрона: собственный опыт, чтение, беседы со сведущими людьми). Глава — в ее нынешнем виде — лишена стройной и логической композиции. А каковы приемы композиции у Варрона? Мы их знаем? Мартен предлагает Варрону композицию, стройную и логическую, с его точки зрения, — путь скользкий. Мы знаем, во что превращался текст Катона, когда западные ученые стали давать ему уроки логики.

Мартен считает подтверждением своей мысли о одновременном написании трех книг «Сельского хозяйства» (причем одна от другой отделена значительным сроком) разную «тональность» книг I и III. Первая проникнута «старым римским духом» (стр. 220): Фунданий резко отзывается о современных роскошных усадьбах (I, 13, 6—7); в III выведены владельцы именно таких усадеб, и Варрон их не осуждает. Почему, однако, нельзя в сочинении, которое автор замыслил сразу как нечто единое, вывести людей разного духа? Осуждает роскошные усадьбы Фунданий — человек, поколением старше Варрона: действующие лица III книги его современники. Мартен вполне прав, говоря о том, как изменилось значение слова «вилла» (стр. 222); эволюция эта происходила на глазах у Варрона, и он ею не возмущался. Хозяйство имеет целью не только *utilitas*, но и *voluptas* (I, 4, 1) — он сам устроил под Казином свой знаменитый птичник (III, 5), *utilitas* которого была нулевой.

Варрон обещает посвятить три книги жене, между тем, как II и III книги посвящены другим лицам. Разве посвящение одному лицу исключает посвящение отдельных частей книги другим лицам?

Почему Мартен не верит Варрону, что он написал «Хозяйство» уже 80-летним стариком, т. е. в 36 г. до н. э.? Он мог отнести действие I книги к 58 г. и даже сказать, что передаваемые им разговоры велись «недавно» (*puer*), хотя на самом деле писал книгу в 30-х гг. Разве писателю заказано отнести время действия своего произведения к любому времени, совершенно независимо от того года, когда он писал?

Вторая глава третьей части, посвященной Варрону, занята Скрофой. Мартен дал его характеристику, как организатора хозяйства, изложил его хозяйственную философию и определил место в истории итальянской агрономии. Характеристика написана прекрасно: убедительно, живо — и поражает тем больше, что от Скрофы не дошло ни одного подлинного отрывка, и то, что мы знаем о нем, сводится к весьма немногому:

думал, что земля истощается от усиленной обработки (Col., II, 1, 5) и требовал от хозяина знаний, средств и желания хозяйничать (Col., I, 1, 1), советовал брать на югер 4 модия бобов (Col., II, 10, 8), считал бараний горошек (cicer) и лен растениями, истощающими землю (Col., II, 13, 3); одобрял arbustum (Col., III, 3, 2), рекомендовал сажать лозы у подножия горы (Col., III, 11, 8) и обращать виноградники к югу (Col., III, 12, 5), считал, что у одной породы вязов нет семян (Col., V, 6, 2) и был превосходным садоводом, выращивавшим удивительные фрукты (Varr., R. г. I, 2, 10). Мартен, однако, нашел материал, дающий возможность живо представить фигуру Скрофы: оказывается, что все, что он говорит в I книге Варрона, это резюме его, Скрофы, произведений: «иначе непонятно, почему Варрон приписал ему этот ряд глав, а не указал бы на себя, как на их автора?» (стр. 245) На каком основании не доверять словам Варрона об источниках его книги (чтение, собственный опыт, разговоры со знающими людьми — I, 1, 11)? Известна любовь Варрона к родным сабинским местам; его календарь работ (I, 28—36) дан с учетом их сельскохозяйственной практики; рало, которое он имеет в виду (нет подошвы — I, 19, 2; I, 29, 2), это рало, которым пахали в Сабинии и Умбрии. Есть ли у нас хоть малейшие данные считать Скрофу знатоком сельскохозяйственного облика этих мест и объяснить, почему именно им отдал он предпочтение? Если II книга — резюме произведения Скрофы, то зачем выведен Столон (гл. 24—26; 37, 4—56)? Варрон тоже пересказывает его советы? Развивая дальше мысль Мартена, мы приходим к выводу, что Варрон только исполнял роль магнитофона, передающего речи всех выведенных им лиц. Возможно ли это? Естественно было Варрону заставить рассуждать о хозяйстве превосходных хозяев-специалистов, оказывая им тем самым дань должного уважения и освящая их авторитетом собственные мысли. Разве в «De senectute» Цицерона Катон излагает свои мысли? Цицерон вложил в его уста свои собственные. Какие основания думать, что Варрон в своем трактате поступил иначе?

Колумелле посвящено три главы: Мартен изучает его философское, политическое и хозяйственное мировоззрение. Колумелла — стоик, друг Сенеки и последователь Панэтия: он верит, что творец мира наделил землю неиссякаемым плодородием (regretua fecunditas); учение об истощении, «обветшании» земли кощунственно. В том, что сейчас урожаи стали меньше, виноваты люди: их невежественность и небрежность в уходе за землей. Хозяева забросили свои имения, поручив их нерадивым рабам. Чтобы вернуть земле ее прежнее плодородие, надо чтобы (1) хозяева были агрономически образованы, (2) жили в имении или, по крайней мере, часто наезжали туда, (3) имели возможность (facultas) и желание заниматься хозяйством. Колумелла убеждает хозяев не бояться трат, вкладывать в хозяйство деньги; он первый представитель «капиталистического» сельского хозяйства — Мартен сближает его с физиократами.

Эпикурейская теория о старческом бессилии и истощении земли заставляет Мартена вспомнить Скрофу, который приписывал истощение земли не тому, что она состарилась, а тому, что от нее требовали высоких урожаев и «переутомили» ее усиленной и хорошей обработкой. Практический вывод отсюда — надо отказаться от интенсивного земледелия — был очень кстати крупным землевладельцам, превращавшим часть своих земель в saltus — пастбищные просторы: если их упрекали в том, что они оставляют пустовать часть своей земли, у них был готов ответ: они поступают так на благо италийского земледелия, оберегая землю от истощения, неминуемо ей угрожающего при интенсивном хозяйстве (стр. 304). Колумелла возмущен: земля нуждается не в отдыхе, а в питании: «если она получает достаточную пищу, она не обнаружит ни усталости, ни старения и будет давать обильные урожаи». «Этот тезис влечет за собой вывод огромной хозяйственной важности: он полагал конец разрыву между земледелием и крупным скотоводством, saltus становились не нужны: стада можно было содержать в имении, и между земледелием и скотоводством устанавливались нормальные отношения» (стр. 305). Выгодно ли было в хозяйственном отношении превратить saltus в хлебные нивы? Могло ли италийское скотоводство — при его размахе — все эти тысячные отары овец, табуны лошадей и стада крупного рогатого скота — обойтись без пастбищ, предлагаемых самой природой? И главное: можно ли было превратить горные пастбища Апеннин в хлебные нивы?

Политическая философия Колумеллы изложена в предисловии, которым он начинает свою первую книгу. Резкое осуждение завоевательной войны, как разбоя, и особенно морской торговли, которая нарушает законы природы (стр. 329), признание земледелия единственной деятельностью, согласной с *iustitia* — вся эта оценка произведена с позиций стоической школы и тут в идеологическом плане отражен политический и социальный конфликт: Колумелла — представитель класса, для которого источником богатства является земля; при Юлиях и Клавдиях класс этот оттеснен назад; опорой правительства являются армия и деловые круги, состоящие в основном из крупных торговцев-отщепенников. Эти круги исповедуют эпикуреизм разных оттенков. Филодем, философ-эпикурец, считал жизнь человека, связанного с землей, несчастной: Гораций в *Epist.* I, 7, 77 слл. (история Мены) ему вторит. Poleмика между двумя философскими школами вполне доказательно объясняется явлениями социально-политическими (стр. 333).

Мартен считает Колумеллу крупным землевладельцем: это следует из его описания идеального поместья (I, 2, 3—5) и совета делить рабов на декурии (I, 9, 7, стр. 345—346). Но все хозяйственные статьи, перечисленные Колумеллой, можно было уместить и на 100 юг. того имения, которое было идеалом для дедов и прадедов Катона (ср. *Cat.*, I, 7 и *Col.*, ук. §§), и раскидать их на какое-то (вряд ли большое) число сотен югеров, как и было, вероятно, у Колумеллы. Мартен полагает, что он владел 1000 га, которые все (кроме какого-то участка под луг) хозяин возделывал руками своих рабов, причем, исходя из расчетов Катона, определяет их число в 300 человек (стр. 354, прим. 4). В дальнейшем он перечисляет выгоды и недостатки такого большого хозяйства (дороговизна рабов, опасность мятежа в их среде, обилие надсмотрщиков, которые сами ничего не делают); если к этому прибавить расходы на такую *familia rustica*, то вряд ли имение таких размеров, управляемое одним хозяином (а не разделенное, как у Плиния Младшего, между арендаторами-колонами) было выгодно, и сомнительно, чтобы Колумелла, хозяин разумный и расчетливый, надел бы на себя такое ярмо⁴.

Мартен справедливо считает Плиния противником Колумеллы, но вряд ли правильно обосновывает это положение: Колумелла писал для крупных землевладельцев; Плиний пишет для *agricolae*, мелких и средних землевладельцев, которым нужно «руководство краткое и простое» (стр. 379). Если такова была, действительно, задача Плиния, то трудно выполнить ее хуже: «краткое» руководство содержит 365 параграфов — больше ста страниц тейбнеровского текста; «простое» включает в себя: исторические справки из далекого и недавнего прошлого; переводы из Феофраста чисто ботанического содержания; сведения о заморских пшеницах и муке из них; справки о местных обычаях, географические экскурсы; календарь, требующий хорошего знакомства с астрономией. Прибавьте к этому трудный язык: выражения, которые надо распутывать; описания, требующие комментариев. Мелкий земледелец мог узнать больше полезного для себя из советов Колумеллы, деловых, систематически и ясно изложенных, свободных от риторических прикрас и экскурсов, прямого отношения к земледельческой практике не имеющих. «Простое руководство» по агрономии явно не удалось. Хотел ли Плиний его действительно написать? Не было ли у него другой цели? Его XVIII книга была прославлением жизненного уклада предков: это был нравственный урок, для которого сельский быт оказывался наиболее подходящим фоном, и урок этот предназначался, конечно, не для мелкого земледельца.

М. Е. Сергеевко

⁴ Чтобы обеспечить такое число людей только хлебом, надо было засеять почти 200 га. Катон клал на раба (круглым счетом) 50 мод. пшеницы в год. $50 \times 300 = 15000$ мод. Возьмем урожай сам-4, хотя Колумелла и его считает редким; с га — 80 мод. (на юг. 5 мод. семян: урожай 20 мод.; с га $20 \times 4 = 80$). $15000 : 80 = 187 \frac{1}{2}$ га, возьмем 200 га, считая, что надо что-то и на хозяина с семьей и на *familia urbana*. Под семена для этих 200 га надо засеять еще 50 га (20 м семян на га $\times 200 = 4000$ мод.; $4000 : 80 = 50$ га). Итак, под хлебом 250 га (это при итальянской-то агротехнике!). Такое же количество земли должно лежать под паром. Половина имения используется для того лишь, чтобы накормить только хлебом *familia rustica*. Но ведь одного хлеба мало!